

На одной
маленькой
ветеринарной
станции

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Леги Дракнесс

18+

Леди Дракнесс

**На одной маленькой
ветеринарной станции**

«Автор»

2018

Дракнесс Л.

На одной маленькой ветеринарной станции / Л. Дракнесс —
«Автор», 2018

Маленькая ветеринарная станция стоит всего лишь на окраине города, а иногда кажется, что на грани миров: реального и потустороннего. Среди пациентов — как вполне обычные собачки и кошечки, так и загадочные нездешние создания, порой весьма пугающие. В коллективе — и люди как люди, и существа, от которых лучше бы держаться подальше. Трагическое и комическое, страшное и смешное, банальное и невероятное — всё здесь перемешано в такую кашу, расхлебывать которую не всегда приятно, но неизменно интересно и увлекательно! Содержит нецензурную брань.

© Дракнесс Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
День летнего солнцестояния	6
Утро	10
Замок	13
Забывчивость	17
Регистрация	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Леди Дракнесс

На одной маленькой ветеринарной станции

Пролог

(ровным гнусавым голосом):

...А в это самое время на одной ма-а-аленькой ветеринарной станции, затерянной где-то в глубинах (бог его знает какой) Вселенной, в Метагалактике, в скоплении галактик – сверхскоплении Девы, на окраине галактики Млечный Путь, в рукаве Ориона, в группе Солнечная система, на планете Земля, в России, на окраине СПб происходили следующие события...

День летнего солнцестояния

Как всегда, проведя лишнее время, валяясь в постели, в тщетной борьбе со сном и будильником, а затем опрометью восстав с нее, на ходу впрыгивая в одежду со скоростью, не снившейся и спецуре, поднятой по тревоге, наскоро умывшись и второпях выхватив из холодильника что-то съестное, запахнув это что-то, похожее на бутерброд, себе в рот, Абе́ло пулей выскочила из дома. Почти скатившись по лестнице, с ноги распахнув дверь подъезда, она наконец позволила себе чуть снизить скорость. В конце концов, надо же было из хомяка, с раздутыми от спрессованного за ними бутера щеками, превратиться в жвачное животное и заняться его пережевыванием, не рискуя при этом подавиться от развитой при передвижении по дому скорости. Дожевав на ходу бутерброд, лаборант наконец-то достаточно проснулась, чтобы оглядеться по сторонам. Питерское летнее небо все так же радовало пятьюдесятью оттенками серого. А холодный северный ветер пронзительно завывал где-то в верхушках деревьев, срывая с них зеленую листву и ломая ветки. Оглянувшись по сторонам и на секунду задумавшись, она гордо расстегнула черную кожаную куртку – лето все же. На улицах тем временем было уже довольно многолюдно: спешили на работу люди, сновали туда-сюда машины; выгружали на остановках торопящихся по делам людей автобусы. Горели разноцветными огнями светофоры. Из ближайшей пекарни доносился сногшибательный аромат ванили.

Остановившись на одном из перекрестков и подождав, пока загорится зеленый, Абе́ло ступила на проезжую часть и тут же резко отпрыгнула назад. Честное слово, она не знала за собой такой прыгучести до этого момента да и такой быстроты реакции не ожидала от самой себя (всегда считала себя немножко тормозом), но тут из глубины сознания словно вырвалась совсем другая сила, и тело действовало автоматически, не согласовывая свои действия с мозгом. Пространство словно отгородилось от происходящего стеной, и внутри этого кармана лаборант успела отпрыгнуть с дороги, а затем слои реальности синхронизировались, и мимо нее на огромной скорости промчался белоснежный мерс с включенным в салоне светом. А затем сзади она услышала голоса возмущенных происходящим людей:

- Гад какой...
- Ты смотри...
- На красный... На человека...

До нее же лишь спустя несколько минут дошло увиденное и услышанное: стоящий на красный мерс, резкий его рывок с места, как только она показалась на переходе, миллиметры, отделившие ее от него... включенный в салоне машины свет. Жаль, водителя Абе́ло не разглядела. Лаборант вздохнула с облегчением и недоумением одновременно: «Судя по всему, день обещает быть не томным...». И ее прогнозы таки оправдались. У забора станции Абе́ло встретила средних лет женщину с тойтерьером в одной руке и с мочой в баночке в другой:

- Я хочу, что бы вы приняли у меня мочу-у-у... – замогильным голосом возвестила она.

Задумчиво посмотрев на женщину, на собаку, на баночку, лаборант предложила ей альтернативный вариант: дождаться открытия станции, подойти к окошку и оформить анализ надлежащим образом у доктора. Оное предложение, однако, женщину не вдохновило, и она, целеустремленно потрясая баночкой с плескающейся в ней желтоватой жидкостью перед носом лаборанта, безапелляционно заявила, что хочет, чтобы та приняла у нее анализ прямо здесь и сейчас. Абе́ло пришлось огорчить даму вежливым отказом. Выслушав в спину, какое она сказочное хамло, лаборант толкнула дверь и вошла на станцию.

Стоящий на ступеньках доктор мрачно отметил, что уже без двух минут девять и что она могла бы и поторопиться. На что Абе́ло ему философски сообщила, что без двух минут – это для нее верх пунктуальности, про себя заметив, что в данное конкретное утро она, в принципе, рада, что вообще дошла до работы. Врач, скорбно вздохнув, с мрачным видом двинулся к

кабинету. Подходя к аптеке, лаборант была остановлена пожилым дедком, который, рыдая и подвивая, потребовал вернуть ему его пекинеса, к слову, усыпленного вчера по заявлению выше упомянутого лица, о чем Абело и не преминула напомнить посетителю.

– Не-е-ет, он у вас тут – живой, по зданию ходит, – с подвиванием сообщил ей посетитель. – Я сердцем чую, что вы над ним живодерствуете и обряды проводите.

Дед с рыданиями лег на прилавок аптеки. В очередной раз сообщив, что его пес живой и ходит где-то у них... Заодно уточнив, не надо ли ему разуться, а то в клинике уж слишком чисто. Вежливо остановив его в попытке стянуть ботинки, лаборант призвала на помощь доктора. В итоге дед удовлетворился ксерокопией его заявления и уверениями, что тут никого в черных мешках из здания по ночам не выносят, а честно кремируют. Одним словом, утро задалось.

Обед, впрочем, тоже не подвел: за пять минут до оногo в кабинет врача ворвалась встрепанная блондинка и сообщила, что ей кажется, что ее йоркширский терьер умер, будучи сбит машиной, под колеса которой он выскочил. И что она его совсем было уже похоронила, но через час откопала, решив все же выяснить у доктора: так ли он мертв, как кажется? Врач с невозмутимым видом надел перчатки, задумчиво стряхнул землю с шерсти почившего пса и, надев стетоскоп, со всей тщательностью прослушал оногo. После чего, проверив реакцию зрачков на свет, вынес вердикт:

– Он умер.

– Совсем?! – пискнула хозяйка.

– Совсем, – кивнул головой врач.

– Так сделайте что-нибудь! – возмущенно потребовала женщина. – Ну пересадите ему душу! Вы же доктор! Вы должны.

Глаза дамы сверкали праведным гневом.

– Увы, – голос и вид доктора были воплощением скорби. – Но специалиста вуду нам пока только обещают прислать, как и буддиста с шаманом, а без них никак.

– Я вам заплачу любые деньги, – голосом, не допускающим ни тени сомнения, сообщила хозяйка пса.

– К сожалению, – вид у доктора стал еще более скорбным (хотя, казалось, куда уж больше?), – без специалистов в этой области мы бессильны.

Врач тяжело вздохнул, грустно опустив глаза. Стоящий за его спиной и обалдевший от услышанного фельдшер молитвенно сложил руки и усиленно то ли закивал головой, то ли затряс ею в нервном тике.

– А он?! – дама грозно ткнула пальцем в красного как рак и беспрестанно трясущего головой фельдшера. – Он разве не может провести обряд?

Она сурово нахмурила выщипанные и нататуажированные бровки.

– Нет, нет, что вы, – вступился за фельдшера врач. – По его части только отходная молитва. Ее он и прочтет, – заверил он посетительницу. Фельдшер согласно икнул и еще сильнее затряс головой.

Еле выпроводив рыдающую блондинку, коллектив клиники наконец отправился обедать. Однако в обед примчалась начальница и сообщила, что скоро их ожидает проверка. Не увидев на лицах сотрудников никаких эмоций по этому поводу, она возмущенно заметила, что им, рукожопым, стоило бы и поволноваться. Но поволноваться у коллектива никак не получалось, ибо животы все еще болели от смеха, нервы в принципе куда-то ушли вместе с логикой и разумом, но при этом всем очень хотелось есть, чем люди и занялись – молча, без единой мысли в глазах, глядя на бушующую начальницу и усиленно двигая челюстями.

К концу обеда приехали сантехники и попросили открыть им гараж. В дальнем и самом пыльном углу оногo Абело и была застигнута парой с котом. Кот орал, пара требовала сделать ему рентген. И... Нет, в очереди они сидеть не хотят. Нет, они не хотят, чтобы рентген делал

врач, они хотят, что бы это сделала она – лично. Нет, их не останавливает ни то, что лаборант не умеет его делать, ни то, что в гараже рентген в принципе отсутствует. В конце концов, оставив обалдевших мастеров возиться с трубой, Абело все же удалось довести и кота, и его хозяев до холла, где она сумела убедить их занять очередь и подождать врача. Не спорил с ней по этому поводу лишь один кот. Видимо, очень хотелось жить. Посочувствовав живности, та наконец дошла до аптеки, где и попыталась заняться делом.

Наступивший вечер принес примерный итог дня: пятьдесят посетителей и кота на кастрацию. Увидев, с каким растерянно-обалдевшим видом фельдшер смотрит на животное, врач понял, что пора спасать и его, и кота. Потому, подойдя к хирургическому столу, невозмутимо ткнул пальцем туда, где именно у кота находятся яйца. Обрадованный фельдшер радостно возвестил, что доктор его спас и что он ему немерено благодарен. На что смущенный доктор начал отнекиваться, сообщив, что даже его жена таких слов ему не говорит.

– По ходу, Микула сделал Николаше предложение руки и сердца, – радостно возвестила лаборант.

– Но, – глядя на покрасневшего доктора, ей пришлось добавить, – Николаша, вспомнив, что он уже женат, с грустью был вынужден отказаться.

– Ее-пт, вы смотрите триста двадцатую серию сериала «Краснопутиловская ветстанция»! – радостно возвестила заглянувшая «на огонек» санитарка, и все дружно заржали.

День подходил к концу, оставалось только закрыть станцию. И... Пришел Хулио. Поистине, по-другому этого маленького шпица назвать было нельзя. День у парня и его хозяев явно не задался. Началось с того, что бедолага умудрился перегреться на пляже. Где уж его хозяйка нашли пляж с солнцем, для сотрудников станции так и осталось загадкой, но точно не в самом Питере. Факт остается фактом – дружно перегрев собаку, они вскочили в машину и рванули в клинику. Приведя пса в чувство, доктор отпустил хозяйку с питомцем в палисадник, а хозяйка повел к кассе. Не успел тот расплатиться, как примчалась перепуганная хозяйка: Хулио укусила пчела, и его морда распухла прямо на глазах (надо заметить, что за несколько лет работы Абело это был первый и пока единственный случай, когда собака и пчела все же нашли друг друга...).

Сделав укол и подождав, пока отек начал спадать, врачи наконец отпустили хозяев и вздохнули почти с облегчением, как вдруг пес вывернулся из рук хозяйки и стремглав понесся к выходу. Хозяйка метнулась за ним и почти нагнала собаку во дворе. Вот еще немного и... Но женщина споткнулась, растянувшись во весь рост на асфальте, шпиц, с перепугу ускорившись, вылетел за ворота и... все услышали визг тормозов, крик хозяев.

Через минуту они, с бездыханным псом на руках, снова стояли в клинике. Выпроводив убитых горем хозяев из Хирургии, коллектив грустно столпился вокруг бездыханного маленького тельца без особой надежды на что-то. Доктор взял в руки стетоскоп, приложил к грудной клетке собаки и... Хулио сел на столе, обалдело озираясь по сторонам.

– Николаша лечит наложением рук – второй Мессия в одной из питерских ветклиник! – радостно провозгласила санитарка. И тут все начали смеяться. С улицы доносился крик-плач хозяйки «везунчика», а сгрудившиеся вокруг стола сотрудники клиники все смеялись, смеялись, согнувшись пополам от смеха, смеялись до слез и не могли остановиться. Наверное, восставший Хулио был самым приятным из возможных завершением этого дня.

Наконец, отправив домой шпица с его хозяевами, отпустив домой санитарку и доктора, Абело с фельдшером начали закрывать клинику. Потушив свет в коридоре, лаборант оглянулась и молча толкнула Микулу в бок. Тот возмущенно обернулся и... оба оторопело устали на стоящую посередине коридора полупрозрачную фигуру, напоминающую человека в костюме химзащиты.

Опущенные роллеты, темный коридор с мерцающей красным светом лампочкой сигнализации и прозрачно-зеленоватая фигура, похожая на человека в противогазе и плаще, их про-

сто доконали, так что двое молча и синхронно вывалились на улицу, спешно захлопнув дверь и закрыв трясущимися руками замок. В глазах обоих стояла паника. Выйдя за ворота клиники, они чуть облегченно вздохнули и пошли дозором вокруг здания – проверить, все ли роллеты опущены. В щель одного из них пробивалась полоска света. Испуганно глядя друг на друга и судорожно сглотнув, Абело сообщила фельдшеру, что свет был выключен. Тот согласно кивнул.

– Я туда не пойду, – заключил он.

– Да сигналка ж не вопит, значит, встала, – подытожила лаборант.

– Все равно утром работать. И свет включать, – подвел итог Микула.

– Ага, – согласилась Абело. Не сговариваясь, они дружно развернулись и пошли по домам. Ветер гремел рекламными щитами, завывал где-то на крышах. День уступал место ночи.

Утро

Рэншен, как обычно, пришла на работу пораньше. Ведь мало было добраться до работы, надо было еще суметь открыть калитку. Нет, если на ней висел замок и его механизм не примерз намертво из-за попавшей в него влаги, а затем ударившего мороза, то все было ничего. А вот если придется минут десять отогревать его в руках... То это, несомненно, потеря времени. А оно утром дорого. Ко всему прочему, человеческие обитатели ветеринарной станции зачастую вообще забывали, уходя, повесить этот самый замок на калитку, и тогда ону заматывали чем придется: вставляли в дужки калитки кусочки сломанных веток, опавших с деревьев; заматывали части калитки на сорванный тут же, у ворот, сухой стебель полыни или другой какой травы; или завязывали на брошенную у ворот станции, неаккуратным посетителем бахилу. Иногда в ход шла резинка, снятая второпях с волос кого-нибудь из сотрудников станции. Чтобы размотать или разрезать сии приспособления, требовалось время. А его утром всегда не хватало.

Да и накопленный за вечер мусор надо было собрать и вынести на помойку, подготавливая место для очередного потока посетителей с очередным же выбросом мусора врачом в урны после каждого из них. Се ля ви, как говорят французы. Но где люди, там и мусор. Тем более люди с больными животными. Так что, чтобы врач мог лечить, надо, чтоб у него было свободное место, куда можно было бы бросать клоки сбритой шерсти, кровавые бинты, салфетки, пропитанные гноем, и ампулы от использованных лекарств. И поскольку посетителей через маленькую клинику проходило много, то и сбор мусора по утрам отнимал достаточно много времени.

И это не говоря о том, что с утра надо было успеть намыть полы, которые чистотой совсем не блистали. И потому, что это в принципе была клиника, куда шли с животными, в том числе из частных домов; и потому, что почва на пустыре, через который проходили посетители, чтобы попасть на станцию, была супесчаной, так что на ногах и лапах посетителей в клинику приносилось достаточное количество песка и грязи. На полу все это смешивалось со слюной и шерстью лохматых друзей человека и доставалось Рэншен, «на отмыв» (как она сама это называла). А «отмыв» полов тоже требовал времени. Так что санитарка торопилась. Да и это была первая смена после смены Циры, так что полдня отходняка было гарантировано. И пока организм не осознал, что открывшаяся входная дверь гарантировала не истошный крик Циры:

– Е...ть-колотить, Рэншен!

А тихое (Николаша вообще редко повышал голос):

– Рэншен, здравствуй.

И был в рабочем тонусе, надо было успеть все сделать до начала смены. Потому что потом наступал «расслабон», как говорила Абе́ло, и шевелиться сил просто не было. Нет, нельзя сказать, что П...а как-то обижала коллектив или «докапывалась» до них, но ее постоянная нервозность, возбудимость, злость, ее вскидывание при малейшем шуме (при открывании входной двери та вздрагивала так, что аж подлетала на месте, приземляясь мимо стула), ее мнительность – любой самый доброжелательный или просто нейтральный взгляд посетителя вызывал подозрения, что на нее как-то не так смотрят, ее срывы на людей без всякой причины при самом невинном вопросе, обращенном к ней, ее хлопанье дверьми с силой, которую в этом небольшого роста создании трудно было предположить, очень выматывали нервную систему сотрудников. Да им еще и приходилось постоянно сглаживать впечатления посетителей от такого не совсем обычного поведения врача.

Одним словом, когда организм осознал, что сегодня не она, то он просто впадал в про­страцию и замирал. Так что полдня сотрудники клиники пребывали в нерабочем состоянии. Вот до этого самого состояния и надо было успеть поработать, дабы Николаша мог спокойно

начать прием. Рэншен уже домывала холл, когда услышала сбоку шелест. Она приостановилась, вертя головой. Клиника была закрыта, так что кроме нее тут никого не было. Она это точно знала, так как обошла, открывая роллеты на окнах и собирая мусор из урн, все кабинеты. Звук не повторялся. Но по станции поплыл запах печеных пирожков с капустой. Санитарка в недоумении выпрямилась, задумчиво оперевшись на швабру. Пирожков она точно не приносила, и никто не мог принести – не было еще никого на станции. Она первая. И она одна.

В холле и прилегающих к нему коридорах замигали лампы, создавая в клинике то ли интимную обстановку, то ли цветомузыку, как на танцполе (о кадрах из фильмов ужасов санитарка честно пыталась не вспоминать). Тем не менее Рэншен слегка напряглась. Конечно, понятно, что лампы давно не менялись, да и перепады электричества в Краснопутиловске бывали часто, так что ничего особенного в мигании ламп не было. Правда, перепады в энергосистеме города не объясняли запах пирожков, но последнее можно было списать на глюки, вызванные утренним желанием организма поесть, как попыталась убедить себя санитарка, снова берясь за швабру. Едва она провела тряпкой по кафельной плитке, как слева снова раздался шелест плаща (именно так организм идентифицировал раздавшийся звук), затем звук, словно его сняли и бросили на какую-то поверхность (то ли кровать, то ли спинка стула). Выпрямившись во весь рост и нервно сжимая швабру двумя руками, Рэншен поняла, что единственное, чего ей сейчас очень хочется, притом практически непреодолимо, так это бросить все и рвануть прочь. Вот только она никак не могла определиться: куда именно ей хочется убежать? На улицу? Так там холодно. Да и что она объяснит пришедшим на работу врачу и лаборанту? Как объяснит свое нахождение на улице? В кабинет? Там так же страшно, как и в холле. На кухню? Но плащ сняли и разложили именно со стороны прохода в коридор, ведущего на кухню. Тем более страшно.

«Да и работаю я тут, – так и не определившись, решила санитарка. – Не от безделья же сюда зашла. И полы надо намывать. Иначе как врачу работать?», – попыталась она мыслить логически. Решительности остаться в здании эти зрелые рассуждения прибавили мало, но помогли поднять голову чувству долга, так что, подбодрив себя этой мыслью, Рэншен налегла на швабру и тонким, срывающимся голосом (надо же было придать себе мужества), чуть заикаясь, фальшиво запела:

– Паруса по ветру... (что-то там). От дождя карета... Плащ от холода... Где-то там (чего-то), на краешке Земли...¹ – пение помогло. И полтора метра пола были домыты. – Вот она – великая сила искусства, – чуть патетично сообщила сама себе санитарка, подхватив ведро в одну руку, а швабру в другую и отправившись на кухню, порушенная нервная система и раннее утро настоятельно требовали заправить организм кофе.

Хлопнула входная дверь. И с порога раздалось:

– Рэншен, здравствуй, – это на работу пришел Николаша.

Санитарка с облегчением вздохнула – жизнь налаживалась. К концу утреннего кофе-брейка пришла Абело. Все, что угодно, но прийти на работу вовремя было выше сил лаборанта. Она появилась на пороге кухни в норковом полушубке, тоненькая, изящная, ухоженная, прижимая к себе черный кожаный рюкзачок, со словами, произнесенными чуть капризно – томным голосом:

– Рэн, привет. Вы же попьете со мной кофе?

Санитарка согласно кивнула головой. Че спорить-то по пустякам? Тем более чего-чего, а кофе утром много не бывает. Выпив кофе с бутербродами, они молча сидели на кухне, облокотившись спинами на стену и не мигая глядя прямо перед собой, куда-то в одну точку.

Наступил ОН – отходняк.

---

¹ «Парусник», А. Маршал.

Несколько раз на кухню заходил Николаша, вставал напротив них, изучающе-озабоченно глядя на ушедших в нирвану сотрудников. Сотрудники, однако, взгляда с какой-то одним им известной точки в пространстве не отводили, на него не смотрели и молчали. Так что врач, просто убедившись, что все живы, тяжело вздыхал и молча уходил обратно, в кабинет приема. Заглядывая на кухню через некоторый промежуток времени и заставая все ту же картину, Николаша вздыхал еще тяжелее и молча отправлялся обратно – работать.

Наступило время обедать. Врач зашел на кухню, достал из холодильника прозрачное пластмассовое ведро и поставил разогревать. Коллектив сидел молча, не меняя позы и не моргая, глядя куда-то вдаль.

По кухне поплыл запах чего-то мясного. Рэншен и Абело синхронно скосили глаза на ведро, стоящее на коленях у врача. То, что в нем находилось, трудно поддавалось идентификации – такая беловато-коричневая масса чего-то. Но пахло вкусно. И коллектив зашевелился, усиленно принюхиваясь. Глаза обрели осмысленное выражение.

– Это у тебя чего? – поинтересовалась лаборант у Николаши.

– Пюре. Хочешь? – протянул ей ведро врач.

– Нет. У меня суп, – сообщила Абело.

– Рэншен? – уточнил Николаша.

– Спасибо. У меня есть еда, – вежливо отказалась санитарка. Во-первых, еда действительно была, а во-вторых, бесформенное нечто, чем пообедал Николаша, доверия не вызывало. Да и вообще, не объедать же человека. Ему ведь еще весь день работать.

Николаша радостно оглядывал копошащийся около холодильника коллектив. Жизнь вошла в нормальное русло. На кухне мигнул свет.

– Напряжение скачет, – заметил врач.

– Угу, – ответила Абело.

Санитарка молча выпрямилась и внимательным взглядом окинула мигающие лампы. За окнами серело. В холле хлопнула входная дверь.

– У вас что? Обед? А мне только справочку. Может, выпишете быстренько? – затараторила возникшая на пороге кухни высокая, с пухлыми розовыми губами на пол-лица блондинка со спицем на руках.

Трое синхронно, молча, исподлобья посмотрели на нее (и взгляд этот не был добрым). В воздухе повисло выразительное молчанье. «Та жизнь. Все идет своим чередом», – размышляла Рэншен, хмуро глядя вслед быстро ретировавшейся блондинке.

Коллектив вернулся к прерванному занятию – обеду.

Замок

– Где ваши люди?! – строго поинтересовалась начальница у Абело по телефону.

Та было хотела гордо ответить:

– Наши люди везде! И имя им – хачики! Больше только китайцев. Но они пока не наши люди, – но передумала, промолчав.

В конце концов, юмор начальница бы не оценила, уж очень ей хотелось выполнить, а лучше – перевыполнить план, спущенный на маленькую станцию сверху. Мешало же выполнению «громадья планов»² отсутствие посетителей, что начальство и наблюдало по камерам видеонаблюдения. Ну, а что поделать, коли на дворе майские? И народ рванул на дачи: сажать картошку, готовить шашлыки, разгрести прошлогоднюю листву – отдыхать на природе, одним словом. Так что холл для посетителей пустовал, что очень не нравилось руководству и совершенно не волновало предполагаемых посетителей, находящихся на своих садовых участках вместе со своей же живностью.

– Ничего, – целиком засовывая в рот ватрушку, с набитыми щеками утешил лаборанта Микула. – Зато они потом с клещами к нам прибегут. Снимать гроздьями будем, – прошамкал он, пережевывая сдобу.

Абело с интересом посмотрела на покрасневшего от натуги, с двумя надувшимися пузырьками слюней в уголках рта фельдшера, щеки которого начали слегка выпирать из-за ушей и... решила не спорить: а то еще подавится. Че тогда она делать будет? Потому, вздохнув, произнесла:

– Ну не стогнать же их сюда под дулом автомата?

Микула согласно замычал, кивая головой.

– Скажи лучше, что с замком от ворот делать будем? – вспомнив о наболевшем, поинтересовалась лаборант.

– Надо Ножикову позвонить, – пробурчал Микула, пытаясь запить ватрушку минералкой. Резко открытая минералка вспенилась и облила фельдшера штаны в самом интересном месте. – Пусть замок новый привезет. Он же завхоз, – развил свою мысль Микула, тщетно пытаясь высушить брюки с помощью прыжков на месте с одновременным потряхиванием штанов с помощью свободной руки. Абело с подошедшей Евгенией Никитичной с интересом наблюдали за этими манипуляциями.

«Что делает фельдшер?» – прислало эсэмэску заинтересованное начальство.

– Ритуальный танец по привлечению клиентов исполняет, – буркнула врач.

«Штаны сушит», – честно написала лаборант.

«Зачем?» – еще больше заинтересовалось начальство.

– Обмочил со страху, узнав про ваши требования, – хохотнула Евгения Никитична, жалея, что нельзя прямо тут затануться сигаретой.

«Облился водой. Случайно», – просветила Абело руководство, ловко и быстро набирая буквы СМС на экране смартфона. Начальство ничего не ответило. Видимо, изучало свойства воды и возможные причины ее попадания на штаны. Тем временем Евгения Никитична набрала номер завхоза:

– Так, Паш, у нас утром на воротах замок не открылся. Микула дужки откручивал, чтоб на станцию попасть. Приедешь? Хорошо, – подвела она итог беседы.

Надо заметить, что ветеринарная станция находилась за высоким, трехметровым забором на пустыре, который, в свою очередь, находился на окраине Краснопутиловска, который, правда, входил в черту города, именуемого Санкт-Петербургом. Так что заевший замок вызы-

---

² Поэма «Хорошо», В. Маяковский.

вал определенные проблемы, ведь помочь открыть его особо было некому. Слишком долго ехали бы мастера с городской станции, а народ в Краснопутиловске проживал нервный (возможно, на эту нервозность сказывалось близкое залегание радона, как гласила местная легенда, а возможно, «сюда из центра расселили всех е...ых», как считала Цира); но, какова бы ни была причина душевной вздернутости клиентов, а станцию лучше было открыть вовремя. Что Микуле с трудом, но удалось сделать. Однако проблему сломанного замка в целом это не решало. Посему на станцию и был вызван завхоз.

Хлопнула входная дверь, и на пороге появился клиент, вернее, клиенты. Вошли мужчина и женщина, последняя сообщила, что они привезли собаку на эвтаназию:

– Вы ее делаете? – спросила женщина.

Получив утвердительный ответ, посетители отправились к машине за собакой.

– Евгения Никитична, упокойте? – обратился Микула к врачу.

– Не, а вот че сразу я? – хмуро поинтересовалась врач. – Я в душе, может, принцесска, а ты меня в киллеры... – вздохнула она, оглядев стоящих напротив нее фельдшера и лаборанта.

Микула с невозмутимым видом надкусил извлеченное из широких штанин яблоко. Абело с видом только что вышедшего из пустыни человека, попивала из бутылки его минеральную воду. Поняв по философски-отстраненному виду коллектива, что сочувствия и понимания она не дождетя, Евгения Никитична отправилась в Хирургию. Надо было достать шприцы, набрать в них лекарства и приготовить черный мешок. Вернулись клиенты, ведя на поводке прихрамывающего восточноевропейца с огромной опухолью на лапе.

– Саркома... – грустно пояснил хозяин.

Микула вздохнул. По кабинету поплыл сладковато-приторный запах рака.

Введя наркоз и отпустив хозяев, врач ввела лекарство, освобождая пса от боли. Тот глубоко вздохнул и затих. Затем они вдвоем с фельдшером, положив собаку в мешок, отнесли тело в морг. Дверь холодильника защелкнулась за еще одним отстрадавшим зверем. Едва успев прикрыть дверь морга, они увидели монументально-грузную фигуру завхоза. Радостно прихрюкивая, тот с порога сообщил, что снял замок с сарая на «Нарвской» и привез его им. Трое с подозрением смотрели на ржавое нечто, находящееся в огромных ручищах завхоза.

– И это работает? – скептически уточнила Абело.

– Да... – искренне заверил всех завхоз. Затем, сопя и похрюкивая на ходу, поплыл к калитке. Коллектив с энтузиазмом отправился следом. Замок и правда закрылся. Вот только открываться не захотел. Так что, отвинтив и вторую дужку от калитки, Паша отправился в город за новым замком. Зазвонил телефон, молчавший с утра.

– О! «Злыдень» (как ласково именовали сей аппарат сотрудники клиники) ожил, – обрадовалась Абело. – Микула, ответь, – скомандовала она. Вообще, отвечать на звонки входило в ее обязанности, но она только что нашла новый сериал и приступила к его просмотру. Так что «злыдень» был перепоручен фельдшеру.

– А вы усыпляет животных? – раздался мужской голос из трубки.

– Да, – сообщил Микула.

Все вздохнули. Видимо, план предстояло выполнять на эвтаназиях.

Вернулся завхоз с очередным ржавым нечто, изображающим новый замок. Тут все было проще, сие изделие даже и открыться не захотело, не то что закрыться. Так что Паша, сердито сопя, вновь отправился в город на поиски очередного замка.

Подшло время обеда, когда в клинику потянулись посетители. Правда, проблемы и вопросы у всех были однотипными:

– А вы усыпляет животных?

– У собаки что-то с попой. Ваш врач в этом разбирается?

На восьмом вопросе по первой проблеме лаборант начала отвечать:

– Да. У нас как раз сегодня работает врач-эвтаназиолог.

На пятом вопросе по второй проблеме она начала с самым участливым видом сообщать клиенту:

– Да. У нас сегодня как раз принимает врач-зоопроктолог.

Почистив с десятков поп и скопив в Хирургии восемь трупов, коллектив с подозрением оглядел пустой коридор на предмет, нет ли еще желающих почистить попу и убится. Убедившись, что холл пуст, они понесли убиенных в морг. Огромный ротвейлер, которого Абело с Евгенией Никитичной тащили на кашемировом пледе (остался от почившего пса), так и норвил съехать то вперед, то назад. Мягкий плед вытягивался в струнку, и огромная собака переставала на нем помещаться. Женщины несли тяжеленного пса по узкому проходу, соблюдая балансировку, поднять того, если бы он упал, и вновь подоткнуть под него плед было бы тяжело. Так что пришлось держать баланс. По дороге к моргу им встретился Паша с очередным замком в руках:

– Этот почти новый, – гордо сопя сообщил он им. – Только от него ключ один, – задумчиво добавил завхоз.

– А нас на станции скока? – с придыханием спросил того Микула, несший под мышками двух мертвых псин среднего размера.

Ножиков задумчиво воздел очи небесно-голубого цвета вверх, к ярко-синему небу. Затем встряхнул золотыми, под цвет солнца, кудрями и отправился за очередным замком. Хором выглядывающий из дверей морга коллектив провожал его заинтересованно-задумчивыми взглядами.

Ближе к вечеру Абело решила покурить. Для чего пробралась к моргу и спряталась там за холодильником. А что делать? Это было единственное место без камер, куда, соответственно, не заглядывало всевидящее око начальства. И где, соответственно, спокойно можно было покурить, не рискуя навлечь на себя его гнев и штрафные санкции. Она расслабленно и с удовольствием затянулась сигаретой, когда услышала какой-то шорох, доносящейся из холодильника. «Послышалось», – решила она. Но шорох раздался вновь. Лаборанту стало не до сигареты. Она стояла, напряженно прислушиваясь к звукам, доносящимся из холодильника, одновременно убеждая себя, что оттуда ничего слышаться не может. Затем осторожно подошла к двери холодильной камеры и прислонила к ней ухо. Изнутри к дверям тоже кто-то подошел и засопел прямо ей в ухо. Абело нервно сглотнула и отправилась за врачом. Нет, не психиатром, пока только за Евгенией Никитичной.

Та вольготно расположилась на кухне, «гоняя шарики» на планшете и попивая кофе.

– Евгения Никитишна, – чуть срывающимся голосом позвала она врача.

– Че тебе? – не отрываясь от планшета, поинтересовалась та.

– На меня из морга кто-то дышит, – шепотом сообщила лаборант.

– Та иди ты со своими шутками, – отмахнулась врач.

– Правда, – испуганно подтвердила Абело. – Я ухо к дверям прислонила, а оттуда дышат, – заверила она Евгению Никитичну. Та перестала «гонять шарики» и внимательно, с ног до головы осмотрела перепуганного лаборанта с еще дымящейся сигаретой, зажатой в руках.

– Ну пошли, – решила она. – Но если это шутка такая... – с угрозой произнесла врач.

– Ни-ни... – облегченно замотала головой та.

И они гуськом отправились к моргу.

– Вы куда? – заинтересовался выглянувший из кабинета Микула.

– В морг, – сообщила ему врач. – Там на Абело кто-то дышит. Идем проверять.

– Это шутка, да? – с надеждой уточнил фельдшер.

Абело лишь отрицательно замотала головой. Так что Микула отправился следом за двумя решительно настроенными женщинами. Подойдя к холодильнику и наклонившись к двери, трое замерли, прислушиваясь. Из холодильника на них кто-то дышал. Евгения Ники-

тична выдохнула и решительно распахнула двери морга. На пороге холодильной камеры сидел недавно усыпленный европеец³ с огромной опухолью на ноге. Как только дверь распахнулась, он опрометью рванул во двор. Евгения Никитична кинулась за ним. Микула ринулся закрывать калитку на улицу. Абело нервно курила в сторонке. Наконец пес был пойман и окончательно усыплен.

Пока Микула закрывал дверь морга, появился завхоз. С теперь уже действительно новым замком в руках. Сей необходимый в хозяйстве предмет был торжественно вручен Микуле с поручением вернуть открученную утром дужку для замка обратно на калитку. После чего, гордо тряхнув золотистыми кудрями, с достоинством неся себя, Паша удалился прочь. Его рабочий день был окончен. А фельдшер отправился к калитке прикручивать дужку. Наступил вечер. Солнце светило уже не так ярко. Дул легкий теплый ветерок. По крыше клиники с самым хозяйским видом важно расхаживала ворона. Во дворе станции выросли тени, отбрасываемые растущими во дворе деревьями. Микула, вскочив на велосипед, помчался на станцию, а женщины отправились выключать свет, закрывать окна и двери. Подойдя с замком в руках к калитке, Абело и Евгения Никитична с пораженным видом замерли на секунду, а затем сложились пополам от смеха: дужки для замка находились на расстоянии пятидесяти сантиметров друг от друга. Повесить замок можно было, только смяв стойку ворот в гармошку. Что было явно не по силам двум женщинам.

Через пять минут, отсмеявшись, вытирая слезы, от смеха выступившие на глазах, Абело ловко вставила длинную ветку, упавшую с дерева, в ворота, внимательно посмотрела на табличку «Объект охраняется Плутоном» и удовлетворенно сообщила врачу:

– Епт, так-то все надежно. И замок у нас – супер! Пошли домой.

– Погоди, – давась смехом, попросила Евгения Никитична. – Я фотку его трудов Микуле скину.

И обе опять согнулись пополам от смеха. Наконец фото фельдшеру было скинуто на телефон, и женщины, продолжая хихикать, отправились по домам. До дороги им было по пути.

---

³ Восточноевропейская овчарка.

Забывчивость

«Забывчивость – это интересное явление, с одной стороны, она вносит в нашу жизнь сумятицу, этакий элемент Хаоса: забыл дома проездной (приходится возвращаться, рискуя куда-нибудь опоздать), оставил кошелек на столе (пришлось отложить в магазине целую тележку продуктов), – заставляя тратить лишнюю энергию на исправление результатов своей или чужой забывчивости. А с другой – дает возможность появиться в жизни чему-то новому: вернулся домой за кошельком и встретил по дороге друга, с которым не виделся со времен службы в армии, а иногда и просто спасает жизнь: опоздал на работу, вернувшись за проездным, – не попал под взрыв в метро. Но и заставляет делать выбор: можно ведь и не возвращаться в магазин, а зайти в другой. И маршрут движения можно поменять. Поехать на работу наземным транспортом, например. В Мире правит дуальность. Редко бывает что-то однозначно плохо и однозначно хорошо в нашей жизни. Игра Инь-Ян все уравнивает во Вселенной», – таким вот философским «измышлизмом» (как она сама их называла) и предалась Абе́ло, доставая с полки в Аптеке пару тюбиков мази для отправки в соседнее подразделение и искоса поглядывая на слегка ошалевшего Микулу, пытающегося дозвониться до начальства. А все дело в том, что данный тип снова перепутал свой рабочий график. Трудно предположить, с кем он его попутал. Но он это сделал и вышел на работу в свой выходной день.

Так что этим теплым и солнечным утром, которое редко выдается в сыром питерском климате, Микула появился на пороге кухни в ветеринарной клинике под ручку со своим неизменным велосипедом. Коллектив, у которого оставалось еще минут пятнадцать до начала работы и который на удивление рано заявился на оную, плотной кучкой сгрудился у стола, дружно поедая подаренный благодарным клиентом вчера торт.

Услышав какой-то шорох со стороны дверей, народ дружно поднял головы и посмотрел в сторону пришедшего. А надо заметить, что на работу уже пришли все и больше из своих никого не ждали. Так что шорох, раздавшийся у кухонной двери, наводил на мысль о чужом, посмевающим мало того, что проникнуть во внутреннее помещение станции, куда посторонним вход был запрещен, о чем им и сообщала табличка при входе, так еще и оторвать работников этой самой станции от утренней трапезы, что вообще являлось святотатством. Посему дружная работа челюстей была приостановлена, восемь пар глаз возмущенно и грозно уставились на Микулу. Тот громко сглотнул и слегка попятился. Да и было отчего: сгрудившиеся вокруг стола и склонившиеся над тортом, а затем синхронно поднявшие головы с перемазанными шоколадом, с прилипшими к уголкам губ светлыми бисквитными крошками ртами создания, не прекращая дружно шевелить челюстями, дожевывали лакомый кусок и одновременно облизывали красными языками губы, смотря в сторону дверей голодным, подозрительно-грозным, т. е. не предвещающим ничего хорошего зашедшему к ним взглядом; напоминали компанию зомби, делящих добычу. Так что Микула остро ощутил себя прохожим – неудачником, попавшим на их трапезу, отчего покраснел, побледнел, судорожно вдохнул в себя воздух и замер, не дыша. Наконец после пары минут тишины, показавшимися ему вечностью, он был признан за своего.

– А ты тут чего? – с недоумением уточнила у него санитарка.

– Так, это, на работу я, – пояснил тот, с облегчением выдохнув.

– Так выходной ты сегодня, – пояснила ему Евгения Никитична, снова склоняясь над столом и поднося кусок торта ко рту.

– Почему-у-у? – обалдело-ошарашенно уточнил фельдшер.

– По графику, – невозмутимо пояснила ему Абе́ло.

– Держи, – Николаша подвинул Микуле кусок торта. – Ешь.

Тот растроганно сглотнул слюну: «Все ж хорошо, когда ты не изгой в коллективе: с тобой делятся тортом и ты имеешь шанс не быть съеденным», – умиротворенно подумал он. Затем быстро прислонил железного коня к стенке и, ни слова не говоря, присоединился к коллективу.

Санитарка, оторвавшись от трапезы, дотянулась до подоконника, достала распечатанный график работы и протянула его Микуле. Тот сентиментально прослезился: «Наверное, к тебе очень хорошо относятся, – рассуждал он. – Если даже кушать перестали, чтоб показать, где ты накосячил». Шумно вздохнув, он погрузился в изучение графика работы родной станции, не переставая при этом усиленно работать челюстями (как говорится, «война войной, а обед по расписанию»). Пристальное изучение графика показало, что у Микулы и правда был сегодня выходной, так что на работу он приперся почему зря. Но и домой ему возвращаться смысла не было: жил Микула в центре, а работал на окраине. Так что, поев, он тяжело вздохнул, натянул на ноги любимые шлепанцы с треснутой подошвой, две части которой скрепляли, не давая им разлететься в разные стороны, лишь пара ниток да стелька, и отправился за телефоном – следовало уговорить начальство сместить ему график работы.

На станции начинался рабочий день. В холле, ожидая приема, собралось уже человек восемь. «Надо же, и все с кошками», – отметила про себя проходившая мимо с тряпкой для вытирания пыли Рэншен. Она задержалась у дверей, ведущих в аптечный коридор. Несколько темных пятен говорили о том, что какой-то барбос тут встряхнулся. То ли выходя от врача, то ли заходя к нему. Собственно, никакой роли это не играло. Значение сего действия было лишь в том, что следы посещения клиники псиной надо было вытереть. Чем санитарка и занялась.

Хлопнула входная дверь, и в лечебницу вошел мужчина средних лет. Чуть задержавшись на пороге, он с некоторым недоумением осмотрел сидящих в холле людей. Затем прошел, заняв свободный стул, и уточнил:

– Кто крайний?

– Я, – поднял руку мужчина с черепахового окраса кошечкой на руках.

Вошедший кивнул и опустил на стул, все еще неодобрительно осматривая окружающих. «Собачник, что ли? – с недоумением подумала Рэншен. – Вон как неодобрительно на котэ смотрит...». Снова открылась входная дверь, и на пороге возникла женщина с ирландским волкодавом.

– Кто последний? – доброжелательно уточнила она.

Неодобрительно озирающий кошаков мужчина, казалось, просто потерял дар речи. Он открыл рот, выпучил глаза и наконец возмущенно заявил:

– Как вам не стыдно с собакой?!

– А что? – растерялась женщина. Волкодав внимательно посмотрел ей в лицо, уловив изменение в настроении хозяйки.

– Для собак, что, отдельная очередь? – уточнила она у сидящих в холле.

Народ дружно замотал головами, с недоумением ожидая разъяснений от мужчины. Тот сурово-назидательно продолжил:

– С животными в поликлинику нельзя. Тем более с собаками.

Женщина с еще большим недоумением на лице дернулась было к выходу, затем остановилась, видимо, что-то поняв, и сообщила:

– Так это собачья поликлиника, сюда только с животными и можно.

Мужчина замер, выпрямив спину. Затем пораженно осмотрел не менее пораженно смотрящих на него посетителей и выскочил за дверь, задержавшись у таблички, прикрепленной к стене у входа в клинику. Табличка гласила: «Государственная ветеринарная станция...». Тот быстро прочитал написанное и почти бегом кинулся в сторону калитки. «Перепутал, видать...», – оторвавшись от уничтожения пятнышек и задумчиво глядя вслед несостоявшемуся посетителю, подумала Рэншен. Народ молча и с интересом смотрел мужчине вслед. Жен-

щина с волкодавом вздохнула, успокоенная, и тихо пристроилась в одном из коридоров станции, дабы не волновать остальных пациентов. Огромный пес послушно лег у ее ног.

Начался прием. За час до обеда в аптечном коридоре появился посетитель. Он остановился, оглядываясь по сторонам.

– Слушаю вас, – раздался из Аптеки хриловатый голос Абело.

– Я на кастрацию, – облегченно отозвался мужчина.

«Так уж и ты...», – ехидно заметила про себя лаборант.

– Проходите в Хирургию по параллельному коридору, – доброжелательно сообщила она клиенту, и тот вышел в холл... Абело закрыла Аптеку и отправилась к врачу сообщить, что в Хирургии ждет пациент.

Рэншен открыла на кухне холодильник в поисках вкусенького, когда за ее спиной раздался мужской голос:

– А я на кастрацию.

Санитарка выпрямилась, закрыла дверцу и повернулась на голос. С самым невозмутимым видом осмотрев с ног до головы довольно молодого, высокого, элегантно одетого мужчину, она как можно более кротко уточнила:

– Вас точно ко мне направили? – Затем, искоса посматривая на него до предела добрыми глазами, попросила прояснить вопрос. – Или все-таки в Хирургию?

– Э-м... – мужчина задумался. – В Хирургию, – определился он.

– Мужчина, я же сказала: по параллельному коридору... – раздраженно заметила появившаяся в дверях лаборант.

– Идемте за мной, – и она направилась к выходу из кухни. Посетитель отправился следом. Рэншен с непередаваемым выражением лица снова открыла дверцу холодильника и продолжила изыскания...

Абело распахнула перед посетителем дверь в кабинет. Тот вошел и, замерев у порога, чуть испуганно уточнил у застывшего изваянием Николаши:

– А кота нести?

Тот чуть склонил голову набок, слегка задумавшись. Затем с невозмутимым видом сообщил посетителю:

– Не, ну мы и вас можем, в виде исключения.

– Что вы, нет-нет, – начал отнекиваться тот. – Я лучше кота принесу...

– Несите, – согласился врач.

Мужчина побежал за котом...

Так, долго ли, коротко ли, но рабочий день подошел к концу.

Наступил вечер, и Микула остался в клинике один. За дежурного, раз уж приперся на работу в свой выходной. Сотрудники разошлись по домам, посетители тоже. Во дворе ветер лениво гонял пыль. На улице было светло, белые ночи, как-никак. Фельдшер потянулся и полез в интернет. Время летело незаметно, кино было интересным, как вдруг краем глаза в стекле аптечной витрины Микула уловил какое-то движение. Он оторвался от экрана, ожидая шаги посетителя. Но стояла тишина. Пожав плечами – показалось, – фельдшер совсем было вернулся к своему занятию, как снова уловил движение вверху стеклянной витрины. Однако коридор был пуст. Затем раздался звук, как будто кто-то спрыгнул (или приземлился) на пол. Микула вытянул шею – коридор оставался все таким же пустым. Около Аптеки кто-то пошлепал в сторону кухни. Отчетливо раздающиеся шаги все при той же девственной пустоте коридора несколько напугали фельдшера. Так что озадаченный Микула твердой, хоть и дрожащей рукой схватил нож для резки бумаги и решительно выдвинул лезвие. Затем, задумавшись на секунду, достал и зажал в другой руке кнопку вызова охраны. Вооружившись таким образом до зубов, он решил, что в крайнем случае сиганет в окно, благо первый этаж. Однако все было тихо.

Рабочий день тем временем подходил к концу, осталось лишь закрыть клинику. Наверное, еще ни разу в своей жизни Микула не проделывал это с такой скоростью. Наконец выскочив за ворота, он осознал, что забыл внутри замок от калитки.

– Ну уж не-е-т! – грозно произнес фельдшер чуть дрожащим голосом, затем нагнулся, сорвал травинку подлиннее и завязал ею дужки у калитки. «Есть же у нас охранное предприятие, – размышлял он. – Вот пусть и охраняют. А я назад, один... ни-ни», – размышлял Микула, мчась в сторону вокзала... (надо было успеть на электричку).

День уходил прочь с его суетой, заботами, впечатлениями. Все растворялось в прошедшем. Словно полустертый рисунок в школьной тетрадке. Впереди маячил предстоящий вечер. Дома. С вкусным ужином, уютным креслом и рассказами жены о прошедшем дне. Время, словно театральную декорацию со сцены, отодвигало назад прошлое, начиная выдвигать предстоящее.

Регистрация

Начало рабочего дня не предвещало никаких неожиданностей. Разве что яркое веселое солнце в высокой чистой синеве бездонного неба, весело играющее своими теплыми желтыми лучами в яркой молодой зелени листвы кустов и деревьев и нежно греющее одним своим появлением изумрудно-зеленый ковер травы, уже само по себе для Питера было неожиданностью.

Микула со своим верным педальным конем, «на поводу», не торопясь, поднимался в горку, наслаждаясь и теплыми лучами солнца на своем лице, и игрой ласкового ветра в ветвях деревьев, и одуряющим запахом сирени и жасмина, что росли вдоль дороги, и радостным ором птиц где-то в верхушках деревьев. Электричка, привозящая его на работу, приходила с запасом по времени, так что можно было не спешить и всласть полюбоваться летним пейзажем.

Поскольку за толстые стены ветстанции тепло не проникало, а количество посетителей обычно не позволяло расслабиться и выйти в палисадник, чтобы тихо посидеть на ажурной скамейке под огромной раскидистой липой, наслаждаясь ее сногшибательным ароматом, пением птиц да и просто наступившим летом, то, по возможности, Микула никогда не упускал момента насладиться видом раскинувшихся вокруг полудеревенских окрестностей по дороге на работу. Ведь из низеньких окон «бункера», как любя называли свою станцию сотрудники, можно было полюбоваться разве что видом цветущей травы, да и то, учитывая количество народа, приходившее к ним на прием, ее работникам обычно было не до того. Так что Микула шествовал на работу не спеша, с удовольствием вдыхая пряно-цветочный запах, разлитый в воздухе, радостно подставляя свое лицо теплему ласковому ветру, с тихим восторгом ощущая тепло солнечных лучей на своей коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.